

УДК 130.2:34

Б.М. Лепешко

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПРАВЕ: СУЩНОСТЬ И ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В статье рассматривается сущность аксиологического метода в правовых исследованиях. Характеризуется ценностный подход в целом, диалектика его субъективно-объективных характеристик. Определена категория «ценность», которая понимается как совокупность важнейших компонентов (характеристик, сущностей) различного свойства и характера, например, культуры. Показана связь категории «ценность» с такими дефинициями, как «идеал», «норма». Выявлены эвристические возможности аксиологического метода в правовых исследованиях.

В системе методов, принятых в правовой науке, аксиологический метод занимает подчинённое, второстепенное место, а его эвристические возможности явно занижены. Это связано со многими факторами, среди которых традиционно осторожное отношение исследователей ко всем методам «субъективного» характера, фактическое отсутствие специальных работ, в которых подробно были бы охарактеризованы возможности аксиологического метода в познании, дефицит конкретных научных трудов, которые были бы написаны в рамках применения именно данного метода.

Один из закономерных вопросов, который возникает сразу же: почему наше внимание привлёк именно аксиологический метод? А далее важно уточнить, в чём его специфика, каково его место в системе иных методов исследования, каковы его эвристические возможности, каким образом можно использовать возможности такого подхода в конкретных правовых исследованиях? Ответы следует искать в нескольких смысловых плоскостях.

Во-первых, сегодня все гуманитарные науки и право здесь не исключение испытывают дефицит методологических оснований своего существования, чувствуют потребность в притоке новых идей методологического характера, в рамках применения которых, можно не столько осуществить «прирастание» эмпирического знания, сколько добиться нового качества знания, а здесь без концептуальных прорывов не обойтись.

Во-вторых, в юридическом знании теоретические проблемы самими юристами часто не осознаются, как таковые, мышление преобладающего большинства правоведов всё же не теоретично, хотя многие и полагают, что они теоретики. И далеко не случайно, что более или менее внятных, законченных и полностью признанных правовой наукой содержательно-сущностных концепций юридической эпистемологии пока нет. О ленинской теории отражении предпочитают не говорить вовсе, постмодернистские изыски, связанные с поисками смыслов консервативным академическим большинством отвергаются с ходу и, пожалуй, отвергаются справедливо. Что же касается современных западных эпистемологических поисков, то они традиционно связываются с именами Г. Кельзена, неопозитивистскими установками Г. Харта, онтологической концепцией права Р. Марчича и некоторыми иными идеями. Однако и здесь ощущается неудовлетворённость сложившимся положением дел в сфере методологии права, и потому ожидаются новые мысли и идеи, связанные с методологическими поисками в сфере, прежде всего, антропологического подхода. Как отмечает Норбер Рулан, французский юрист, основатель Французской ассоциации юридической антропологии: «Выйдя из недр социальной антропологии, юридическая антропология имеет своей целью понять

правила поведения в различных обществах, но отдаёт предпочтение юридическому аспекту, заявляя при этом о невозможности изолировать право как таковое, поскольку оно является лишь одним из элементов общей культурной и социальной системы, свойственной любому обществу» [1, с. 9].

В-третьих, существует ясное понимание того, что применение новых методов (или реанимация – на новой основе подзабытых старых) позволит добиться пересмотра уже сложившихся методологических стандартов, по-новому оценить имеющиеся концептуальные идеи, осмыслить накопленный эмпирический материал. Ведь внесение в практику науки качественно новых подходов (методов) позволяет не просто изменить угол зрения на объект познания, в этом случае может трансформироваться сам этот объект, возможно, самое неожиданное «прочтение» уже сложившихся представлений. Предлагаемая статья и обращена к пониманию одного из таких методов – аксиологического.

Сущность

Сразу же следует заметить, что назвать ценностный подход (метод) новым нельзя – его активно начали разрабатывать во второй половине XIX века и на этом пути имеются серьёзные теоретические достижения. Достаточно в этой связи назвать имена таких крупных теоретиков, как Г. Риккерт и в целом баденскую школу неокантианства в Германии. Аксиологический метод сразу же стал пониматься как подход, противоположный тому, который применяется в естествознании. Науки об обществе обладают несомненной спецификой, причём эта специфика столь существенна, что имеет смысл говорить отдельно о «науках о природе» и «науках об обществе». В частности, право является несомненным достижением наук об обществе. Причём право – это несомненная ценность, значение которой трудно переоценить. Право позволило не просто конституировать человеческую жизнь, жизнь общества, оно стало мощным фактором сохранения человечества, придало смысл его существованию и в этом аспекте сложно говорить исключительно о «субъективности» такого рода ценности. То есть сразу же стала апробироваться мысль, согласно которой право, как ценность объективировано и предпосылками возникновения, и самим его характером. Сущность аксиологического метода, как это понимал немецкий философ, заключается в связи изучаемых объектов с определёнными системами ценностей самого разного характера, что предполагает и отбор исследовательских объектов, и их оценку.

Конечно же, этот подход и такое понимание метода вызвали разные мнения и оценки. Стоит заметить, что отношение к аксиологическому методу тогда, на рубеже XIX–XX веков было достаточно критичным, и основания для критики были понятными: угроза субъективизма была слишком реальной. Кроме упреков в субъективизме, аксиологический подход критиковался по нескольким направлениям, например, в рамках невозможности выстроить универсальную систему ценностей (диалектика относительного и абсолютного в аксиологии). Была непонятной связь между такими категориями, как «ценность», «норма», «идеал». Широко известна и критика идей теории ценностей со стороны позитивистски настроенных специалистов.

Оригинальную концепцию предложили марксистские авторы. Здесь ценностный подход был связан с классовой позицией, классовым подходом и основная проблема заключалась в том, что чему подчинено. То есть, ценностный подход и соответствующий метод существует в юриспруденции и иных гуманитарных науках как самостоятельный, или же занимает подчинённое место в иерархии методологических приорите-

тов. Георгий Плеханов, виднейший теоретик марксизма, обратил внимание на теорию ценностей в том виде, как она была представлена в книге Г. Риккерта «Науки о природе и науки о культуре» (русский перевод 1911 г.) и написал соответствующую рецензию. Неоспоримо, заметил он, что каждый исследователь (речь в данном контексте шла об историках) так или иначе сортирует свой материал, выбирает тот или иной подход, оценивает факты, события, нормы, останавливаясь в итоге на тех или иных ценностях. «Весь вопрос в том, какова природа этой ценности. А на этот вопрос совсем нельзя ответить тем утверждением, что в данном случае ценность принадлежит к категории культурных ценностей. Совсем нет! Как человек науки – и в пределах своей науки – историк считает существенным то, что помогает ему определить причинную связь тех событий, совокупность которых составляет изучаемый им индивидуальный процесс развития» [1, с. 515]. Речь идёт о попытке «заземлить» идеальные проблемы (теорию ценностей) путём её связи с причинно-следственными предпосылками принятия решений, которые можно было бы (теоретически) представить «объективистскими». Плеханов полагал важным вывести аксиологию (применительно к истории в данном случае) за узкие пределы субъективности и придать ей более широкий, что подразумевалось, возможно, объективистский характер.

Русская юридическая традиция (вторая половина XIX – начало XX вв) при достаточно широком разбросе мнений всё же склонялась к тому, чтобы принять аксиологическую теорию, не отвергать её как таковую, однако специфика аксиологического метода и соответствующей методологии связывалась, в основном с категорией «нравственность» и категорией «религия». Здесь не место для широких реминисценций по этому поводу, мы обратим внимание на две точки зрения, профессора права Московского университета А.С. Яценко (1877–1934) и профессора права Московского, затем Киевского университетов Б.А. Кистяковского (1868–1920).

А.С. Яценко полагал, что право теснейшим образом связано с религиозными и моральными ценностями, собственно, вне морали и религии право превращается в фикцию. Причём ценности права, религии, морали образуют систему, гармоничную систему, в рамках которой только и возможно комфортное общежитие людей. Причём людей, систему отношений между людьми невозможно представить в форме некой чистой, абстрагированной от действительности форме. «Люди, поведение которых регулируется в праве, могут быть поняты или как отдельные индивиды, простые слагаемые в общей сумме, или как члены общества, органически связанные с социальным целым. Общество, наконец, в котором регулируется правом жизнь людей, может быть понято или как внутренне-психическое явление, существующее реально только в человеческих переживаниях, или как внешне реальное бытие, имеющее своё выражение и вне субъективной психики людей» [2, с. 14]. Речь идёт о гармонизации этих отношений, переосмысления сложившейся системы ценностей с точки зрения учёта всех компонентов, особенно морально-религиозных. На первый план в рамках формирования правовых ценностей выдвигались и интеллектуальная интуиция, и нравственный кодекс, а также социально-психологический опыт конкретной личности, нравственно-религиозный опыт всего народа.

Следует заметить, что А.С. Яценко во многом разделял концептуальные подходы к пониманию права, изложенные блистательным русским мыслителем Владимиром Соловьёвым. Комментируя точку зрения философа и полностью разделяя её, правовед заметил: «Право и государство неразрывно соединяется у него с религиозным началом, с церковью. Именно эта последняя даёт оценки свободы, даёт идеал, даёт определённый

материальный принцип для разграничения свобод. Право и религиозный идеал у него как бы два слитных и нераздельных отблеска одного источника света» [3, с. 27].

Б.А. Кистяковский полагал, что в России сложилась такая ситуация, когда «Право не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, личная святость. Значение его более, относительно, а относительность значения права даёт повод некоторым теоретикам определять очень низко его ценность» [4, с. 109]. Но то, что речь идёт именно о ценностях – сомнения не вызывает. Однако главный тезис учёного связан с пониманием того факта, что «относительность права», понимание его как «второстепенной ценности» привело к серьёзнейшим, даже катастрофическим последствиям. В статье, опубликованной в нашумевшем сборнике «Вехи» (1909) и названной «В защиту права», учёный защищает положение, согласно которому право не просто является ценностью «первого порядка», пренебрежение правом ведёт к кризису духовной культуры в целом. Критический пафос выступления Б. Кистяковского направлен против пренебрежения правом, против культивирования правового бескультурья, против пренебрежения ценностями права, среди которых на первом месте такие важнейшие понятия, как нравственность, свобода, религиозные ценности. Он замечает, что сотрудники юридических факультетов университетов России за многие десятилетия своей деятельности не дали ничего похожего на этюд Р. Иеринга «Борьба за право», научная работа учёных чрезвычайно узка, а исследуемые проблемы далеки от общественных интересов.

Б.А. Кистяковский ставит вопрос о важности социального идеала и соотнесённости теории ценностей с идеалом, нравственным, религиозным, иным. Здесь важен вопрос о правовых интересах личности, не о правах её, а именно об интересах. Эти интересы «завязаны» на проблеме ценностей, поскольку часто вместо истинных интересов на первый план выходят интересы ложные (как обмануть, как уйти от этической ответственности, ложное понимание свободы и т.д.). Причём важно, что «на одной этике нельзя построить общественных форм», то есть, нужна реабилитация, реанимация права как основополагающей ценности. В обществе существует уверенность, что системные проблемы можно решить на основе исключительно систем этики, но это – ложный посыл, поскольку вне правовых форм общежития общество теряет возможности организации и развития.

Обобщая, можно заметить, что возможности аксиологического метода представителями русской классической юридической мысли не отрицались. Однако приоритет отдавался именно *системе* знания, *системе* ценностей, причём иерархия этих ценностей могла выстраиваться по-разному. Скажем, А. Яценко утверждал приоритет этики, а Б. Кистяковский полагал, что этика и право в такого рода иерархии ценностей занимают одинаковое (равноправное) положение. Это – не случайные мысли, не случайные подходы, поскольку и русская правовая мысль, философия права разделяла основополагающие постулаты национальной философии. А здесь базовые категории – соборность, всеединство, симфония, система, этика, религия и т.д.

Самой жёсткой критике аксиологический метод и в целом концепция ценностей была подвергнута теоретиками, представляющими нормативистскую точку зрения (Г. Кельзен). «Чистое право», по сути, было призвано ответить на вопрос, что есть право, чем оно является, но полностью исключало ответ на вопрос, каким оно должно быть, как должно создаваться. Ценность – это точно такая же категория, как и искусство, психология, история и потому право должно быть «очищено» от такого рода дефиниций. Но здесь нам важно подчеркнуть и иной аспект проблемы. Дезавуируя аксиологию (как и иные отрасли гуманитарного знания) нормативизм на первое место

поставил вопрос о возможности юриспруденции как науки и актуализировал проблему метода юридической науки. То есть право – это наука или нет? И если наука, то обладает ли она своими специфическими методами познания? Ответ звучал так: чтобы стать особой наукой, правоведение должно иметь свой собственный объект изучения, объект «чистый» в том смысле, что его существенные характеристики не пересекаются с существенными характеристиками иных, близких праву наук. И, понятное дело, должен быть специфический метод исследования, юридический метод, свои собственные гипотезы (скажем, о приоритете «верховой», «суверенной» нормы). Но что это за метод? В частности, профессор государственного права в Венском (1911–1930) и Кельнском (1930–1933) университетах Ганс Кельзен полагал, что существуют два таких метода: нормативный и догматический. Суть первого в том, что норма изучается как логическое суждение особого рода, определяется логическая природа нормы, образующие её элементы, система норм, связи, которые объединяют элементы в систему. Нормативный метод заключается в интеллектуальной обработке норм, выяснении и выделении их отдельных черт и элементов путём сравнения, анализа, иных логических операций. Основная особенность догматического метода заключается в том, что нормы права рассматриваются как самодовлеющая и замкнутая система, из которой выводятся все основные правовые положения вплоть до юридической справедливости. Заметим сразу же: ценностному подходу здесь вообще не место.

Однако в XX веке существовали и существуют не только «симфонические» или «антиценностные» подходы, ряд крупных учёных юристов вновь обратили позитивное внимание на аксиологию. В частности, Рональд Дворкин, профессор юриспруденции в Оксфорде (1962–1969), отрицая классические позитивистские представления о праве, полагал, что между юридическими и моральными суждениями нет принципиальной разницы. Право, по его мнению, состоит не только из норм, но и из правовых стандартов, то есть, при принятии судебных решений судья, например, может руководствоваться не только нормой, но и своим пониманием сложившихся в обществе ценностей (стандартов). Причём «По отношению к нормам стандарты применяются в зависимости от их относительного «веса», то есть, их относительной ценности». Одному сложному юридическому делу может быть релевантно несколько морально-юридических принципов, подходов и они применяются путём «взвешивания» их ценности в данном конкретном контексте общества, учёта господствующих и подчинённых ценностей и т.д. «Соотношение ценности «принципов» меняется, в зависимости от контекста и потому они не дают судье заранее готового решения, что предполагается при использовании норм» [5, с. 318–319].

Обстоятельства каждого судебного дела уникальны и исключительно «норма», как принцип, как базовая теория здесь может оказать юристу плохую услугу. Стандарты (не нормы) носят естественный характер, они «врастают» в нормативную теорию, они меняются вместе с изменением общества, изменением иерархии ценностей и придают нормам устойчивость и «историчность». Судья не может просто применить закон, используя норму, он всегда толкует закон и даже прецедент даёт ему относительную «ариаднину нить». Важно и понимание «обратной связи». То есть судья, так или иначе толкуя закон, учитывает господствующую систему ценностей. Однако тем самым своим решением он создаёт в обществе более благоприятный климат и способствует «моральной легитимизации». Это значит, что и общество, и правоохранительные органы приходят к определённому консенсусу относительно характера принятых решений.

Французский профессор права Г.А. Шварц-Либерман фон Валендорф полагает, что без оценки позитивных норм мы станем их рабами. Само право характеризуется Валендорфом как «логика ценностей», а законы – как результат соглашения между членами общества. В рамках своего нравственно-ценностного правопонимания юрист говорит о единстве права и морали, их взаимном дополнении друг друга. Его точку зрения разделяют и иные современные специалисты философии и права [7, с. 558–559].

Наверное, мы вправе охарактеризовать аксиологический метод в целом. Это можно сделать при помощи следующих положений:

1. Ключевой категорией здесь является категория «ценность», которую следует понимать как совокупность важнейших компонентов (характеристик, сущностей) различного свойства и характера, но, прежде всего, культуры. Понятие «ценность» связано с такими дефинициями, как «идеал», «норма». Ценность не нейтральна, она априори субъективна, вместе с тем, ценности во многом определяются объективными процессами и потому закономерно, что многие исследователи говорят об объективных предпосылках ценностей. Это значит, например, что та или иная ценность, которая внешне выступает как исключительно *моё* персональное решение и *мой* персональный выбор, объективирована как условиями моей жизни, моим воспитанием и образованием, а также господствующими в данном типе общества отношениями (ценностями). Здесь может быть много конкретных примеров, обратим внимание на отношение общества к проблеме смертной казни или иным, похожим, острым вопросам. Ведь отношение общества к смертной казни есть и констатация сложившихся ценностей, динамики этих ценностей.

2. Возможности аксиологического метода в праве в принципиальном аспекте основаны на понимании гуманитарного (человеческого) характера юриспруденции. «Очистить» права от ценностного аспекта не удалось до сих пор, нет уверенности в том, что это возможно в будущем. Скорее всего, такие попытки (в русле эвристических поисков Г. Кельзена) будут продолжаться и в дальнейшем, но ведь вопрос не только в том, что надо бы добиться «чистоты права», вопрос и в том, надо ли это в онтологическом (бытийственном) смысле? То есть, есть смысл задуматься вот над каким вопросом: а не является ли ценностный аспект права его (права) сущностным признаком? Не превратятся ли в случае реализации принципов «чистого» права правовые коллизии в набор фантазмагорий, где решение принимается на основе неких никому неведомых «чистых» и, по сути, автоматизированных стандартов?

3. В гносеологическом аспекте метод аксиологии фактически не разработан, это связано с тем, что проблемы юридической эпистемологии долгое время находились на «заднем плане» науки, приоритетными их назвать никак нельзя. Полагаю, что в повестке дня научных исследований находятся сегодня такие вопросы, как специфика юридической эпистемологии, её категориальный аппарат, отличие от иных дисциплин в указанном плане.

4. О сознательном применении метода аксиологии и соответствующей методологии мы можем говорить лишь условно, собственно, этой проблеме посвящена вторая часть статьи. Здесь хотелось бы заметить следующее. Расширение методологического инструментария расширяет возможности любой науки, право здесь не исключение. Можно продолжать закрывать глаза на то, что аксиология достаточно давно «просится» в число методов юридического исследования, но мы не должны делать вид, что не слышим такого рода призывы, а разрабатывать соответствующий логико-методологический, междисциплинарный инструментарий, который позволит как «снизить» уровень субъективности, так и предложить ясные и понятные схемы научного поиска.

Эвристические возможности

Эвристические возможности любого метода проявляются на практике, это очевидно. Утверждать, что метод аксиологии активно используется в исследованиях юристов-практиков, что он постоянно указывается в авторефератах диссертаций, а именно в том разделе, где речь идёт о методологии и методах, мы не можем. На наш взгляд, сегодня целесообразно говорить о тех эвристических возможностях, которые открывает перед исследователем данный метод. Вот на них мы и остановимся подробнее.

Первая такая возможность связана с формированием концепций, концептуальным «прочтением» права. Дело в том, что так или иначе выстроенная иерархия ценностей – это и форма методологических предпочтений, это возможность построения той или иной теории. Можно, например, идеализировать нормы, построить иерархию ценностей исходя из обоснования того факта, что общество, не имеющее чёткого свода норм, вообще не имеет права. Можно возвести на вершину иерархии ценностей не норму, а некие модели поведения и обосновать тезис, согласно которому традиционные общества подчиняются не нормам, а именно моделям поведения. Можно, как считал Павел Новгородцев, «дополнить» право нравственностью, поставить право и нравственность рядом в иерархии ценностей. Это естественно, по мнению русского юриста, поскольку «правовые учреждения сами по себе не в силах осуществить действительное преобразование общества и что они должны войти в сочетание с силами нравственными», «для осуществления поставленных задач государство должно было призвать на помощь нравственные факторы» [8, с. 328]. В этом же плане мы можем говорить и о психологической теории Льва Петражицкого, осуществившего синтез права и психологии. Право – психические переживания индивида, субъективные переживания, *мои* переживания. Нормы выступают в форме эмоций – но это осознанные *мною* эмоции. Скажут: нельзя же ценности отождествить с психическими явлениями? Да, это будет явной натяжкой. Но вот что интересно: с нормами-эмоциями связано представление индивида о должном, а это уже сфера аксиологии. Интуитивное право, существующее задолго до права объективного (позитивного) – это регулятор человеческого поведения, основанный на понимании людьми базовых ценностей. Это не естественное право, это именно право интуитивное, поскольку человек бессознательно приспосабливается к социуму на основе сформировавшихся ценностных ориентировок. Скажем, понимание справедливости есть элемент именно интуитивного права, оно (понимание) неодинаково у различных классов, слоёв, страт общества. Но это и закономерно, поскольку «развивается постепенно» (а не вследствие неких одномоментных правовых актов), формируется на основе социальной практики (а не вследствие откровений концептуалистов разного рода), являясь (в тоже время) фактором формирования позитивного права.

Причём важно то, что концептуальное прочтение права при помощи аксиологического метода – не самоцель, суть ведь не заключается в реализации претензий большого числа исследователей на концептуальность. Такого рода подход и такие исследования не могут быть массовыми, концептуальность – товар «штучный». Вопрос в том, что применение аксиологического метода может позволить учёному расширить и обогатить диапазон эвристических средств, приёмы правового исследования – ведь данный метод может применяться и в единстве с иными методами, дополняться, обогащаться в ходе применения системы методов.

Эвристические возможности аксиологического метода связаны и с пониманием собственно ценностей. Можно построить теорию ценностей, совершенно независимую от метафизики и религии. Можно даже исключить этический фактор из ценностных

координат, выбранных исследователем. Как быть с социальным идеалом – здесь теория ценностей может «подсказать» характер этого идеала, впрочем, многие полагают, что аксиология и есть следствие априори сформированного идеала. Правда, сразу же возникает вопрос, как здесь быть с наукой в её классическом понимании – ведь такого рода «игра» с ценностями дезавуирует классические нормы наукописания. Видный русский юрист Н.Н. Алексеев, размышляя об этой проблеме, полагал, что надо, конечно, ограничивать такого рода ценностное своеволие. Но надо видеть и иное: ценности имплицитно заложены не только в нас самих, но и в процессе познания. «Многое мы считаем ценным не потому, что оно чему-либо соответствует, но потому, что оно ценно в себе – самоценно. В наших самодовлеющих оценках и проявляются безусловные ценности. Данность, с которой мы их усматриваем, имеет характер истинной достоверности и указывает на присутствие самого предмета в познавательном акте» [9, с. 97]. В этом аспекте ценности пытаются превратить в нечто подобное «чистой теории», «новому нормативизму», только вместо «чистых» норм на первый план выдвигаются столь же «чистые» (что значит, не зависящие ни от этики, ни от религии) ценности. Но, насколько известно, такого рода попытки не привели к искомому результату и ценности не стали истиной столь же аксиоматичной, как иные – общепризнанные теоретические истины. Ведь всё истинное одинаково истинно, а вот всё хорошее не обязательно хорошо для всех. Смысл же данных реминисценций в том, что полный отрыв от ценностей не может быть оправдан – как не может быть оправдана, попытка представить ценность в виде и форме исключительно объективированной сущности.

Надо учитывать и тот факт, что эвристические возможности ценностного подхода различны в разных правовых системах, они напрямую связаны с тем, что мы называем правовой традицией, менталитетом нации. Скажем, уродство, юридические как феномен национальной традиции совсем по иному «препарируют» систему ценностей, нежели в западном сознании. «Мы уроды Христа ради», – говорил протопоп Аввакум, и попробуйте объяснить этот тезис с точки зрения таких ценностей, как достоинство, гордость и слава западному обывателю. Возникает особое понимание Абсолютного, в результате говорится не столько о «нашем» понимании ценностей, сколько о выходе вообще за пределы ценностей. И какой здесь может быть выход? Н.Н. Алексеев полагает, что «То, что мы называем ценным, ценно потому, что оно фактически и опытно обнаруживает своё жизненное преимущество перед неценным» [10, с. 104]. То есть существование положительных ценностей уже есть положительная ценность.

Но существует ли некая особая правовая аксиология, особые правовые ценности и как они могут быть осмыслены сегодня? Здесь вопрос остаётся дискуссионным, хотя на первом месте традиционно находится личность, её права. То есть, главная ценность правовой науки – персона, личность, причём речь идёт не о личности вообще, как абстрактной идее, а о конкретной личности. Личность не может стоять «по ту сторону добра и зла», она не интересует нас как объект философских спекуляций. Правовая наука может признать определёнными ценностями качества личности – скажем, храбрость на войне, самопожертвование и в этом контексте, скажем, правительственная награда за храбрость – это и правовое признание данного качества как ценного. Те или иные качества личности становятся ценными в определённой системе (правовой, социальной, политической), но личность вообще – не единственная правовая ценность. Теоретически вполне допустимо, что возможно «обожествление» государства, почитание экономических достижений (экономическое благо как правовой, в том числе, идеал), правовое признание ценности науки, искусства и т.д.

Для ряда теоретиков основной правовой ценностью является не отдельное (личность), а некая целостность, совокупность. Скажем, такой целостностью могут выступать общие нормы поведения, только они могут иметь силу наделять свои предписания обязательностью. Одному из немецких юристов XIX века принадлежит интересное сравнение такого понимания права и такого понимания ценностей с кораблём. Корабль, плывущий по морю, создаёт особые условия совместной жизни, которые требуют особого права. Корабль – это государство в миниатюре и право на нём рождено природой вещей, образом существования. Для сохранения целого (корабля), необходимо строгое выполнение приказаний капитана. Право здесь есть понимание приоритета целого, а не персоны. Скажем, при угрозе гибели целого, капитан может пожертвовать частным (багажом, товаром).

Конечно же, в иерархии правовых ценностей на одном из первых мест – понятие справедливости. Эта тема столь обширна, что требует специального освещения. Мы лишь напомним базовое положение, согласно которому справедливость есть элемент иерархии ценностей, причём справедливость выступает как понимание правильного соотношения степеней иерархического совершенства. Если ценности выстроены в определённом порядке и в соответствии с нашим пониманием об их достоинстве и месте, то мы и получим понятие справедливости. Это напоминает известное доказательство Фомой Аквинским бытия Бога, доказательство, связанное с идеей расположения ценностей по степени совершенства. Есть «высшее совершенство», а уже затем – по нисходящей – мы можем говорить об иных степенях совершенства.

Как это ни парадоксально прозвучит, но эвристические возможности правовой аксиологии связаны и с метафизикой, пониманием смысла жизни и нашего мира. Скажем, выбор определённой правовой системы (закон, суд, наказание и т.д.) противоречит утверждению об одномерном смысле истории. Выбор тех или иных социюридических форм означает, что мы выбираем определённые ценности, обусловленные очень большим количеством разнообразных факторов. Каждое общество достаточно самостоятельно для того, чтобы уяснить себе смысл собственной истории, выявить мировоззренческие, духовные приоритеты и определить актуальность именно для себя той или иной правовой системы. Далее, все общества ассоциируют право всё же с добром, справедливостью, но не злом, не наказанием. Мы говорим постоянно о справедливости права, хотя понимаем, что оно, право, во многом определено наличием зла. В каком-то смысле зло явилось источником права – поскольку человечество искало и нашло такую организационную и сущностную форму противодействия злу, которая позволило нам добиться хотя бы ограниченных успехов. Такой формой и стало право.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рулан, Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. – М. : Норма. – 1999. – 310 с.
2. Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения : в 5 т. // Г.В. Плеханов. – М. : Политиздат. – 1957. – Т. 3. – 784 с.
3. Яценко, А.С. Философия права Владимира Соловьёва. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / А.С. Яценко. – СПб : Алетейя. – 1999. – 254 с.
4. Яценко, А.С. Философия права Владимира Соловьёва. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / А.С. Яценко. – СПб : Алетейя. – 1999. – 254 с.

5. Кистяковский, Б.А. В защиту права / Б.А. Кистяковский // Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 109–136.

6. Жоль, К.К. Философия и социология права / К.К. Жоль. – М. : Юнити-Дана. – 2005. – 415 с.

7. Нерсесянц, В.С. Философия права / В.С. Нерсесянц. – М. : Инфра-М – Норма. – 1997. – 652 с.

8. Новгородцев, П.И. Введение в философию права / П.И. Новгородцев. – СПб. : Университет. – 2000. – 352 с.

9. Алексеев, Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб. : Лань. – 1999. – 252 с.

Lepeshko V.M. Axiological Method of Law: Nature and Heuristic Capabilities

The article deals with the essence of the axiological method in legal studies. Value approach and the dialectic of his subjective objective characteristics are characterized in the article. Category of «value», which is understood as a set of key components (features, entities) and properties of different nature, such as culture is defined. The relation between the category of «value» to such definitions as «ideal», «norm» is analyzed. The possibility of axiological heuristic methods in legal studies is revealed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.04.2012